ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2024, № 12, с. 24–35
STATE AND LAW, 2024, No. 12, pp. 24–35

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

УДК 340

ИСТОРИОСОФИЯ ПРАВА: ВСЕ ДВИЖЕТСЯ ИЛИ НЕЧТО ОСТАЕТСЯ НЕИЗМЕННЫМ?

© 2024 г. С. А. Бочкарёв

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: bo4karvs@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.11.2024 г.

Аннотация. Исследование посвящено выяснению предмета, сферы компетенции и потенциала историософии в целом и историософии права в частности как познавательной дисциплины. Выявлены признаки, отличающие ее от философии и истории. При этом вскрыта категория времени, которая объединяет названные предметы, являясь первым и основным – неизменным и сквозным – феноменом бытия. Изучение времени в названном качестве позволило определить «теперь» и «всегда» как его основные формы проявления, в рамках которых протекает жизнь, в том числе жизнь правовой реальности. Определение времени в качестве путеводной категории бытия дало возможность юридической науке задаться рядом смыслообременяющих вопросов. В частности, отыскать ответ о том, как законодатель при нормотворчестве распоряжается временем? Проводит ли он в ряды правовых норм или институтов разницу между «временем» и «временами», обязывает ли учитывать ее правоприменителя и других потребителей нормативного регулирования? Воспитывает ли право у них иммунитет перед временщиками и опричниками, заполучивших правовую власть? Что в конечном счете транслирует своим адресатам позитивное право – конъюнктурные запреты, продиктованные «порывом времени», или каноны, являющиеся эталоном поведения «во все века и времена»? По результатам исследования подтверждено, что онтологическое сопряжение истории и права относится к компетенции историософского подхода, представляющего собой трансцендентное вопрошание. Это вопрошание образует смысловую цельность, в которой «всегда» как «внеисторическое присутствие» в истории сожительствует с «теперь» как с исторической скоротечностью во «внеисторическом измерении». Применительно к праву названное вопрошание выясняет, что в нем движется, а что остается неизменным? Когда и ради чего праву надлежит трансформироваться, а когда оставаться неизменным?

Ключевые слова: право, «время», «времена», история, философия, историософия права, «всегда», «теперь», онтология, гносеология, вопрошание.

Цитирование: *Бочкарёв С.А.* Историософия права: все движется или нечто остается неизменным? // Государство и право. 2024. № 12. С. 24–35.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.31857/S1026945224120023

HISTORIOSOPHY OF LAW: DOES EVERYTHING MOVE OR DOES SOMETHING STAY THE SAME?

© 2024 S. A. Bochkarev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: bo4karvs@yandex.ru

Received 26.11.2024

Abstract. The research is devoted to clarifying the subject, sphere of competence and potential of historiosophy in general and historiosophy of law in particular as a cognitive discipline. The signs distinguishing it from philosophy and history are revealed. At the same time, the category of time is revealed, which unites the named objects, being the first and main – an unchangeable and end-to-end – phenomenon of being. The study of time in this capacity made it possible to define "now" and "always" as its main forms of manifestation, within which life takes place, including the life of legal reality. The definition of time as a guiding category of existence has made it possible for legal science to ask a number of meaning-burdening questions. In particular, should I give an answer about how the legislator manages time during rulemaking? Does it include the difference between "time" and "times" in the ranks of legal norms or institutions, does it oblige the law enforcement officer and other consumers of regulatory regulation to take it into account? Does the law instill in them immunity to temporary workers and oprichniks who have acquired legal power? What ultimately translates positive law to its addressees – conjunctural prohibitions dictated by the "rush of time", or canons that are the standard of behavior "in all ages and times"? According to the results of the study, it is confirmed that the ontological coupling of theory and law belongs to the competence of the historiosophical approach, which is a transcendental questioning. This questioning forms a semantic integrity, in which "always" as an "extrahistorical presence" in history cohabits with "now" as with historical transience in an "extrahistorical dimension". In relation to the law, this question finds out what is moving in it, and what remains unchanged? When and for what should the law be transformed, and when should it remain unchanged?

Key words: law, "time", "times", history, philosophy, historiosophy of law, "always", "now", ontology, epistemology, questioning.

For citation: *Bochkarev, S.A. (2024).* Historiosophy of law: does everything move or does something stay the same? // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 24–35.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) "Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia", carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

О былом и вчерашнем в жизни

Историософский подход не задается вопросом о том, «что было вчера». Им традиционно занимается обычная ретроспекция. «Вчера» не интересует историософию, поскольку это «вчера», как писал Г. Уэллс, растворилось «в миллионах подобных вчерашних дней»[1]. В фокусе метаисторического внимания остается только «было». По этой причине ставятся совершенно другие вопросы. Спрашивают: а было ли «было», есть ли «было» и способно ли это «было» еще быть? Здесь «было», важно заметить, рассматривается через бытие, а не через «вчерашние дни и ночи». Для диагностирования «было» найденное ему подобие оценивают на предмет того, являлось ли оно мгновением, преходящей иллюзией, а возможно и вовсе ничем? Либо ухваченное «было» являлось проявлением самого бытия, которое взяло начало в прошлом, но никуда не ушло и имеет продолжение в сущем? Иными словами, в каждом случае предметом отыскания остается феномен бытия. То есть те смыслы, которые являются неизменными и сквозными во всех «былях» и «небылях», «далях» и «библейских скрижалях».

При этом важно подчеркнуть, что вышеприведенные вопросы о былом продиктованы не «игрой

[1] *Уэллс Г.* Очерки истории цивилизации. М., 2004. С. 9.

ума», а жизненной практикой. Из нее следует достаточно примеров существования в разных и весьма отдаленных временах единых, неделимых и связывающих друг с другом ценностных и смысловых универсалий. Опыт К. Ясперса, например, по сравнению удаленных друг от друга эпох показывает, что «в каждой из них речь идет об одном и том же», а «человечество имеет единые истоки и общую цель»[2]. Эти истоки, их единство и общность цели человечество кинулось восстанавливать, когда состоялось крушение европейской цивилизации, последовавшей за войной 1914–1917 гг. Запустился, по свидетельству В.И. Вернадского, всеохватывающий процесс переоценки ценностей. Он стал реализовываться не только в единой национальной среде, но и в «единой мировой организации человечества, созданной и поддерживающейся прежде всего научной работой»[3].

Не иначе человечество поступило после Второй мировой войны, когда испытало на себе «один и тот же» ужас и резко ощутило потребность в мире как «общей цели». В ходе поиска оно нашло путь и условия консенсусного сосуществования. При этом у расколотого мира не возникло сомнений и в том, что именно право должно выступать скрепой «одного и того же», а также наиболее оптимальным средством достижения «общей цели». В связи с этим человечество в 1945 г. создало Организацию Объединенных Наций, а ее устав признало основой международного права. В нем объединенные народы отразили то, что для каждого из них из эпохи в эпоху является «одним и тем же» – безусловно важным и безоговорочно приоритетным – избавление от бедствий войн и причин, их порождающих. Ни у одной нации до сих пор не возникло желание оспорить то, что для достижения безопасности нужно проявлять терпимость и жить вместе как добрые соседи, укреплять веру в справедливость и уважать взаимные обязательства[4].

Наличие «единых истоков и общей цели» в жизни и в праве подтвердил С.А. Котляревский. После изучения географических и исторических многообразий он заключил о существовании в правовом государстве «нечто неизменного». Рассмотрев самые разные формы самоограничения, по различному существовавшие в отличающихся политических средах, ученый нашел «постоянное» в мериле, которым эта среда оценивается. Речь идет о справедливости. «Справедливость, о которой говорил Сократ, была приложена им к строю афинского полиса и к жизни афинских граждан, но это то же мерило, та же справедливость, которые мы прилагаем к современным вещам, делам и людям», – утверждал С.А. Котляревский[5]. Продолжительное и неувядающее бытие справедливости в праве ученый оправдывал неизменной основой, которая остается прежней, несмотря на смену юридических воззрений. У справедливости, отмечал правовед, есть только «меняющееся содержание», «тот исторический материал, к которому она прилагается – не только в смысле объективных возможностей – экономических, технических и т.п., но и в смысле отличающих данную эпоху идей, чувств и стремлений». В любые времена «высшее призвание государственной власти состояло в творении правосудия. Не формального правосудия, реализуемого через соблюдение обычаев или принятие законов, а содержательного – отпускаемого путем реального внесения в жизненные споры и противоречия справедливости»[6].

В итоге историософии как специально предназначенной дисциплине остается разобраться с каждой претензией на «постоянное» и «неизменное». То есть в том, что есть «одно и то же», каковы его обличия в разные времена и почему «одно и то же» не всегда очевидно, в чем или в ком состоит «общая цель»? По каким причинам человечество периодически утрачивает связь с «едиными истоками», заменяет или подменяет «общую цель»? Какие силы в человеке и человечестве отвечают за мобилизацию их сознания и его способность думать в масштабе общей цели? Аналогичными вопросами разумно задаться юриспруденции. Например, найти в уголовном праве то, что в нем является «одним и тем же» и неизменно переходит из эпохи в эпоху, образуя тем самым не только прошлое, но и будущее этой отрасли права, его внеисторический, или, иначе, онтологический базис? Что в праве образует «общую цель» и как оно через эту цель связывается с «истоками человечества»? Образует ли право с этими истоками единство? Не менее важно понимать, что́ в рассматриваемой отрасли законодательства не является «одним и тем же»? Как оно появляется в уголовных уложениях? Надолго ли задерживается в них, какой след оставляет и каким образом исключается из нормативных актов? Какое влияние «не одно и то же» оказывает на соответствующие правоотношения? Какую цель в них преследует и достигает ли ее?

«Время» и «времена» в праве

Получение достоверных ответов на все эти вопросы требует проведения глубоких исследований.

[2] *Ясперс К.* Истоки и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории: сб. / пер. с нем.; вступ. ст. П.П. Гайденко, с. 5–26; коммент. В.Н. Катасонова. 2-е изд. М., 1994. С. 31.

[3] *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 299.

[4] См.: Устав Организации Объединенных Наций // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1956. Вып. XII. С. 14–47.

[5] См.: *Котляревский С.А.* Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915. С. 392, 396.

[6] Там же.

Основополагающий ответ на них дает метафизический подход. С помощью вопросов о вчерашнем и былом он помогает проследить, вскрыть и в конечном счете осознать, что именно время является первым и основным – «неизменным и сквозным» – феноменом бытия. Существуя в трех основных измерениях, время пытается таким образом почти полностью охватить искомое бытие. «Время», правда, нельзя путать с «временами», которыми традиционно увлечена историческая дисциплина. Если время хладнокровно движется от числа к числу, а потому, по Платону, является «вневременной вечностью», то времена есть не более чем «теперь», способное в любой момент «кануть в лета». Если первое, по Аристотелю, «всегда» и непрерывно[7], то второе есть момент, который может быть забыт и бесследно исчезнуть.

В рамках историософского подхода, если руководствоваться классификацией Н.А. Бердяева, оценка событий происходит не с позиции частновременного отношения к жизни, которое отражает слабость и узость человеческого сознания, расслабляет и выбрасывает личность на поверхность бессмысленной повседневности, где она замыкается в перспективах «частного земного рая». Оценка вершится с углубленной точки зрения – судьбы народов или всего человечества. На ее почве вскрываются «сверхличные ценности», «мировые цели» и «страдания высшей жизни», формируется история народа, история человечества и история мира, где Я живет в составе их прошлого и будущего, а они в нем[8].

Пример мышления о праве в сверхличном и наднациональном формате продемонстрировал Д. Флетчер, когда подтвердил присутствие в сфере уголовного права «нечто общего» и «неизменного» для всего. Криминалист обратил внимание на разность существующих в странах законов. Однако их не связанность и обособленность не лишили юриста сил обнаружить общность, поглощающую все национальные отличия. «Действительно, – отмечал ученый, – в каждой стране существует собственный уголовный кодекс, но наличие кодексов должно трактоваться как своего рода национальный ответ на общие вопросы, составляющие фундамент уголовного права. Разные страны могут находить различные ответы, трактуя эти исходные категории, но решения, составляющие поверхностный слой права, не должны затмевать несомненное единство, лежащее в основе правовых культур. Если базовые останутся неизменными, тогда правовые культуры будут иметь больше общего, чем можно было бы предположить»[9].

Вычленение времени в качестве основной категории историософии и неизменного критерия самой истории позволяет не согласиться с оппонентами К. Ясперса, считавшими, что все подчинено, как писал А. Тойнби, «господствующим тенденциям данного времени и места»[10]. Выделение времени дает основания отличить искомую дисциплину от философии, частью которой она безусловно является. Если объектом интереса философии выступают сами по себе «предельные основания мира», то объектом любопытства историософии является лишь аспект этих оснований. Он проходит по реестру «временного» и «вневременного». То есть бытие берется и рассматривается не само по себе, а с помощью и с позиции «эпохальных парадигм». Этим же свойством историософия отличается от истории, которая не увлекается целостным восприятием и познанием жизни, поиском у нее единого начала и смысла. История, как верно отметил Г. Риккерт, представляет собой идеографию, «ориентированную на фиксирование уникального и <...> игнорирование законов развития мира в целом». «Историк, – убежден П. Сорокин, – заинтересован в точном описании данного исторического явления как такового, во всей его конкретной индивидуальности и неповторимой единичности»[11]. Для истории время выступает вневременной категорией. В свою очередь, для историософии время есть сугубо временное явление.

Определение времени в качестве основной и путеводной категории истории предоставляет возможность юридической науке задаться рядом смыслообременяющих вопросов. Поискать, в частности, ответ о том, как авторы законодательства распорядились в его положениях временем? Проводит ли законодатель в ряды правовых норм или институтов разницу между «временем» и «временами», обязывает ли учитывать ее правоприменителя и других потребителей нормативного регулирования? Воспитывает ли право у них иммунитет перед временщиками и опричниками, заполучивших правовую власть? Что в конечном счете транслирует своим адресатам позитивное право – конъюнктурные запреты, продиктованные «порывом времени», или каноны, являющиеся эталоном поведения «во все века и времена».

Не менее актуальными становятся встречные вопросы. Например, о том, как «время» и «времена» обходятся с правом и его отраслями? Какие

[7] См.: *Аристотель.* Метафизика. СПб., Киев, 2002.

[8] См.: *Бердяев Н.А.* О частном и историческом взгляде на жизнь // Бердяев Н.А. Философия свободы. М., 2004. С. 444–446.

[9] *Наумов А.В., Флетчер Д.* Основные концепции современного уголовного права. М., 1998. С. 12.

[10] *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. М., 1991. С. 14.

[11] *Сорокин П.А.* Социология революции. М., 2008. С. 26.

запреты, проповедуемые правом, под давлением времен «канули в лету», а какие из них возродились? От чего или кого зависит динамика их исчезновения и воскрешения, в чем или в ком укоренены ее детерминанты? Послужили ли «новые» или «новейшие» времена развитию права и укреплению правосознания человечества? Что произошло с охраняемыми правом ценностями? Если под целью исторического развития понимать свободу, как предлагал Г. Гегель[12], то что с ней делали различного рода социально-политические события? А как со свободой в это же время обходились институты правоприменения? Что пришедшие или ушедшие времена привнесли в право для стабильного производства свободы и расширения ее пределов? Сколько за период своего функционирования право произвело на свет свободы, расширило ли ее границы? Предназначено ли вообще право для воспроизводства свободы или же его уделом является исключительно репрессия и узурпация прав, свобод и интересов субъектов ответственности?

Право и «теперь»

В метафизическом плане все эти отраслевые аспекты по своей сути сводятся к вопросам о том, что больше оказывает на право и его отрасли влияние – «теперь» или «всегда»? Через какие каналы коммуникации право держит с ними связь? Какой смысл «теперь» и «всегда» вкладывают в право и по какому предназначению его используют на самом деле? Ибо бывает так, что не только и не столько право изменяет своим вековым и неизменным принципам, а целые цивилизации, пришедшие на смену предыдущим, предают забвению заветы первых учителей человечества. Они, как писал К. Ясперс, вытравливают из человека глубину мировоззренческого страха и озабоченности, сотворяя из него беспечного потребителя и прогрессирующего завоевателя природы[13]. У обществ, фиксировал О. Лейкснер, наступают состояния, когда «несмотря на производительность в области искусств, поэзии и наук, нравственные понятия понижаются, а чувство долга разрушается перед исходом эпохи; является малодушное поколение, любящее только самого себя и наслаждения... Большая часть сил, которым предстоит работать в будущем, заражена внутренним ядом»[14]. Возникают усобицы, отмечал в начале первого тысячелетия К. Тацит, «когда не становится ни нравственности, ни правосудия: остаются безнаказанными преступнейшие деяния, а добродетель делается причиной гибели»[15]. Таков один из негативных сценариев влияния «теперь» на общественное правосознание и, как следствие, на сам правопорядок. «Теперь», как проявление эмоций, страхов и комплексов, биологических импульсов, физических рефлексов и других сиюминутностей, действует прямолинейно и на коротком забеге добивается срочного подчинения себе институтов правоприменения, доводя социальное устройство до деградации. Под их влиянием общество втягивается в такие «перерывы, где право падает в этическую, психическую пустоту и в бессилие или уступает бодрому беззаконному произволу»[16].

Ярким примером возможности игнорировать историческое наследие в оперативно-тактическом подходе и безуспешности этого дела в стратегической перспективе являются попытки большевиков кардинально изменить законодательство Российской Империи. Если говорить точнее, то они, по выражению В.И. Ленина, преследовали цель сломить нормативную систему[17], которая брала свое начало со времен Древней Руси, когда, по свидетельству М.М. Щербатова, еще «ни регламентов, ни порядков не имели, ни формы суда и прочего, все по обычаям исполнялось»[18]. В ответ на решение Правительствующего Сената как высшего суда и органа надзора, не признавшего правомерность учреждения большевистской власти, народные комиссары буквально через несколько часов 22 ноября 1917 г. издали декрет «О суде», отменяющий как сам Сенат, так и прокуратуру, адвокатуру, следователей. Затем последовали и другие акты, дезавуирующие прежнее законодательство.

То есть при нормотворчестве большевиками руководило не «время», а считаные «часы» и «минуты». Они подчинили себя сиюминутностям, за которым стоял их конвульсивный страх остаться на «свалке истории». По признанию самого В.И. Ленина, он, находясь на трудном повороте истории человечества, решал «задачи наших дней»[19]. Предводитель большевиков, выражаясь его же словами, понимал тяжесть, горечь и неописуемую мучительность для страны предложенного им пути революционного движения. Тем не менее Ленин с большим самоудовлетворением заявлял о скором переходе Россией

[12] См.: *Гегель Г.* Феноменология духа. Философия истории. М., 2007. С. 495.

[13] См: *Jaspers K.* Vemunft und Existenz. Bremen, 1965. S. 48.

[14] *Лейкснер Отто фон.* Наш век. Общий обзор важнейших явлений в области истории, искусства, науки и промышленности последнего столетия: в 2 т. СПб., 1884. Т. 2. С. 107.

[15] *Тацит Корнелий.* Соч.: в 2 т. Т. 1. Анналы. Малые произведения. М., 1993.

[16] *Арановский К.В., Князев С.Д.* Правление права и правовое государство в соотношении знаков и значений / под ред. Н.А. Сергеевой. М., 2016. С. 6.

[17] См.: *Ленин В.И.* Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 270.

[18] *Щербатов М.М.* Избр. труды. М., 2010. С. 133.

[19] *Ленин В.И.* Главная задача наших дней // Ленин В.И. Избранное. М., 2010. С. 491.

наиболее крутого излома в ее истории. Он, можно сказать, кичился моментальностью и немыслимой оперативностью в деле надлома и развала старого. С восклицанием заявлял о том, что «мы в несколько дней разрушили одну из самых старых, мощных, варварских и зверских монархий», «мы в несколько недель, свергнув буржуазию, победили ее открытое сопротивление...». Победу сиюминутности над временем, как видим, Ленин относил к ключевым показателям своей успешности. Он, по его признанию, не терпел историю, которая ползла с ужасающей медлительностью. Несмотря на «страшный шум и треск, трагичность и мучительность», ему по нраву была история, летящая с быстротой локомотива[20].

Все эти признания свидетельствуют, что цель по захвату власти и беспринципность по ее достижению захватила умы лидеров революции. Они, как указывал А.И. Солженицын, «уже не могли остановиться, оглянуться, очнуться, переродиться»[21]. Их уже совершенно не интересовало, что в течение XIX в. демократизация государственного строя, как отмечал В.М. Гессен, сделала весьма заметные успехи: парламентаризация конституционных монархий, расширение избирательного права, разложение двухпалатной системы и что еще важнее – эволюция «демократического духа», его проникновение в современные учреждения[22]. Время и его достижения для всех участников противоборства утратили значение. Они стали ведомыми «текущими моментами», или, по И.А. Бунину, «окаянными днями»[23]. «Монархисты» упустили инициативу и связь с временем, стараясь лишь консервировать свое положение. «Прогрессисты» отвергли время как нечто истекшее и дискредитировавшее себя из-за причастности к царскому прошлому, объявив «час» для политического раскола и социального взрыва. В этот период, по словам И.Г. Щегловитова, вся обстановка развивалась по сценарию, когда «паралитики власти что-то слабо боролись с эпилептиками революции»[24]. В итоге стороны довели, по выражению В.В. Розанова, до «апокалипсиса нашего времени»[25].

Приведенные примеры наглядно показывают, что за отменой большевиками царского законодательства стоит их отношение к праву как к временности, которую можно прервать, отменить и заменить другой временностью. После уверования в собственную нетленность, они далее попытались увековечить наспех изобретенную ими «юридическую временность», сделав ее «временем». Для этого традиционное правосознание подменили пролетарской самосознательностью, и представили ее в качестве онтологического базиса устанавливаемого ими правопорядка. Большевики верили в «революционное сознание» как особый вид духовного состояния, объединяющий пролетариат. Видели в нем источник созидания коммунистического устройства. Однако быстро убедились в ошибочности своих допущений и ожиданий. Революционное сознание, предназначенное для порождения хаоса, их подвело. Не учли, что «революционное настроение» не связывает себя с временем и не подчиняет, а противопоставляет себя ему. Оно, как правило, разрывает с ним. А русский вариант этого сознания, воспроизводящий смерть, обнулил время и созданные им блага.

«Новая временность» большевиков оказалась произволом, даже по отношению к пролетариату. Предоставление вчерашним илотам власти действовать от имени государства по собственному усмотрению и применять, по сути, неограниченные полномочия вызвало массовые злоупотребления. Для укрощения революционного порыва потребовалось чрезвычайно созывать IV Всероссийский съезд Советов и 8 ноября 1918 г. принимать постановление «О революционной законности»[26], в котором все граждане республики и должностные лица советской власти призваны к строжайшему соблюдению законов РСФСР, изданных и издаваемых центральной властью. Этим же актом существенно ограничено усмотрение властных лиц. Им впредь установлено, что меры, отступающие от законов РСФСР, допустимы лишь в том случае, если они вызваны экстренными условиями гражданской войны и борьбы с контрреволюцией[27]. Наряду с этим за короткий промежуток времени Советом народных комиссаров принято два декрета – от 8 мая 1918 г. и от 16 августа 1921 г. о борьбе со взяточничеством.

Отвержение времени «красными» и игнорирование его «белыми» дорого всем стоило. Ответом на игру со временем стал галопирующий рост преступности. По оценкам П.А. Сорокина, физиолога русской революций, Россия превратилась в «клоаку преступности». «Жизнь человека потеряла ценность. Моральное сознание отупело. Ничто больше не удерживало от преступлений. Рука поднималась

[20] См.: *Ленин В.И.* Главная задача наших дней. С. 494.

[21] *Солженицын А.И.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 11. Красное колесо. Повествованье в отмеренных сроках в четырех Узлах. Узел III: Март Семнадцатого. Кн. 1. М., 2010. С. 35.

[22] См.: *Гессен В.М.* Основы конституционного права. М., 2010. С. 414.

[23] *Бунин И.* Окаянные дни. М., 1925.

[24] Цит. по: *Солженицын А.И.* Указ. соч. С. 25.

[25] *Розанов В.В.* Собр. соч.: в 8 т. / сост. П.П. Апрышко. Т. 7. Последние листья. 1917 г.; Апокалипсис нашего времени: выпуски № 1–10. М., 2012.

[26] См.: СУ РСФСР. 1918. № 90, ст. 908.

[27] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 28. С. 493.

на жизнь не только близких, но и своих. Преступления для значительной части населения стали "предрассудками". Нормы права и нравственности – "идеологией буржуазии"»[28]. Количественный рост преступности, по свидетельству ученого, сопровождался ее качественным изменением. Произошел стремительный переход от некровавых форм девиантности к садизму и даже зверству. Он фиксировал «многочисленные факты людоедства и убийства с целью пожирания убитого»[29].

Время не осталось в долгу. Оно бумерангом ответило и обществу, и властям чередой нежеланных и аномальных кульбитов в прошлое. Биологизация поведения людей, писал П.А. Сорокин, возвратила их «к чисто животной деятельности вследствие разрушения бывших установок», к варварству и дикости. «В человеке проснулась, – как отмечал И.А. Бунин, – обезьяна»[30]. По степени ожесточенности новой власти и используемым ею методам расправы П.А. Сорокин судил, что время вернуло людей в средневековье, когда была развита коллективная ответственность. Возвратило в те поры, когда Россия без оглядки на время уже бежала с такой скоростью, что, по свидетельству М.М. Щербатова, повреждала нравы, истребляла в сердцах Веру и Божественный закон, «тайны Божественные в презрение впали, а гражданские узаконения возненавидимы стали...». Истребление всех благих нравов было столь значительным, что грозило падением государству[31]. Наряду с этим время воскресило первобытные времена, прославленные институтом заложничества, активно используемого большевиками в XX в. Время, констатировал И.А. Бунин, не предоставило ожидающим «светлого будущего» и не оставило им «красоты старого мира». Оно погрузило их в «оргию смерти и дьявольский мрак», в «море грязи, подлости и низости "нового"»[32].

Таково проявление «теперь» в жизни и в юриспруденции как ее части. Оно, как видно, нередко отрывается от «всегда» и радикально противопоставляется тому, что формировалось столетиями, т.е. самим временем. Но «теперь» хватило только на «горячую» фазу революции. Далее оно не выдержало стесняющего давления «всегда» и не прошло, как в таких случаях говорят, «испытание временем». Не случайно Аристотель не относил «теперь» ко времени. Время, писал мыслитель, не слагается из «теперь», так как оно не есть часть и из него не складывается целое. «Теперь» может быть лишь границей того или иного промежутка времени[33].

Иначе дело сложилось в политике. Большевики смогли воспользоваться «текущими моментами» и сложить из них «историческую минуту», когда «последний раз рука судьбы подняла те весы, на которых взвешивалось будущее России»[34]. Эта «минута» была необходима большевикам и ее оказалось достаточно в политике для кровопролитного слома прежнего – монархического государственного строя, а также для насильственного привития общественному сознанию коммунистической идеи социального устройства вместо капиталистического образа жизни.

Право и «всегда»

«Всегда» в отличие от «теперь» не живет по законам «одного дня». Оно устроено более сложно, поскольку отвечает за возможность появления целого и стратагему его бытия. «Всегда» разнородно и многослойно. Несмотря на это вся пестрота «всегда» объединяется под давлением сил его продолжительности и длительности. Одни процессы в нем формируются столетиями, а другие – тысячелетиями. «Всегда» действует под влиянием эмерджентных сил, т.е. тех особенных свойств целого, которые присущи только ему, не относятся к его частям, но способны делать из этих частей единое. В силу названных качеств «всегда» имеет обуславливающее, а не прямое моторно-двигательное воздействие на происходящее, которое присуще «теперь». Поскольку «всегда» функционирует степенно, то его реактивность на текущие процессы малозаметна, а операционное влияние на них в краткосрочном плане ощущается слабо. Оно может только стеснять реальность. В этом смысле «всегда» – не крыша и даже не фундамент социального строения. Оно есть земля, с учетом форм и свойств которой должно возводиться любое домостроение.

«Всегда» не превращается в «теперь», но бесконечно воспроизводит условия для его появления и реализации. «Теперь» в отличие от «всегда» не вечно. Оно, конечно, может стать «всегда», но только, если стремится к нему. Если же «теперь» не связывает себя с «всегда», то оно

[28] *Сорокин П.А.* Социология революции. М., 2008. С. 472, 473.

[29] Там же. С. 476.

[30] *Бунин И.А.* Указ соч.

[31] «Судьи во всяких делах не толь стали стараться, объясняя дело, учинить свои заключения на основании узаконений, как о том, чтобы, лихоимственно продавая правосудие, получить себе прибыток или, угождая какому вельможе, стараются проникать, какое есть его хотение; другие же, не зная и не стараясь познавать узаконения, в суждениях своих, как безумные бредят, и ни жизнь, ни честь, ни имения гражданские не суть безопасны от таковых неправосудей...» (см.: *Щербатов М.М.* Указ. соч. С. 415, 416).

[32] *Бунин И.А.* Указ. соч.

[33] См.: *Аристотель.* Соч.: в 4 т. М., 1981. Т. 3. С. 145, 146.

[34] «Историческая минута» – словосочетание, употребленное 23 февраля 1917 г. Министром земледелия Российской Империи А.А. Риттихом в докладе перед Государственной думой по вопросу поставок хлеба (см.: *Солженицын А.И.* Указ. соч. С. 43).

не имеет долгосрочной перспективы. Революционные формы реализации «теперь», как известно, и его трагические последствия вернули большевиков к «всегда». Их драматизм понудил «новые власти» учитывать каноны человеческого бытия. На базе «всегда», в частности, произошло понимание необходимости возвращения к онтологическим основам права. По свидетельству П.А. Сорокина, «с 1921 г., когда наметилось возвращение к нормальным условиям жизни.., появились первые признаки морального оздоровления страны, стали оживать угасшие моральные рефлексы, а вместе с ними – и борьба за восстановление нравственности». Здесь, как можно убедиться, в качестве «всегда» выступили морально-правовые идеалы, из века к веку не меняющие своей аксиологической сути. Именно на основе такого «всегда» в последующие годы «"реставрация" продолжалась и дала о себе знать в ряде явлений: в уменьшающейся половой вольности, в попытках самого населения бороться активно с убийствами, кражами, грабежом, в растущей строгости моральной оценки взяточничества, спекуляции, обмана и т.д.», – писал П.А. Сорокин.

Для реабилитации общественного сознания необходимость во «всегда» будет сохраняться, выражаясь словами социолога, «еще годы и годы, чтобы хоть сколько-нибудь залечить глубокие раны, нанесенные душе народа войной и революцией. А есть ряд явлений, которые могут быть исправлены только исчезновением молодого поколения, рожденного в грехе войны и революции!». Очевидно, что «теперь» не предназначено для размышления и применения в масштабе и формате поколений. Из поколения в поколение передается только «всегда», оно же их объединяет и помогает им ориентироваться в цивилизационном пространстве.

Сфера права раньше других почувствовала на себе потребность в возвращении ко «всегда». Власть осознала, что никакого другого института, кроме права, человечество не изобрело для охраны общественного устройства и противодействия криминалу. Как писал в те годы В.М. Гессен, «господство права – неистребимая потребность современного человечества»[35]. Методы рукопашной борьбы, избранные красными на первом этапе вхождения во власть, не пригодны для «всегда», т.е. для дальнейшей жизнедеятельности. Необходимость в защите установленного большевиками политического строя и укрощения преступности, растущей в геометрических масштабах, вынудили их заполнять вакуум бесправия спешным принятием череды декретов. Уже к 12 декабря 1919 г. Народным комиссариатом юстиции разработаны и приняты Руководящие начала по уголовному праву. Авторы этого документа попытались выдать итоги их интеллектуального труда за результаты обобщения успешного опыта вооруженной борьбы народа со своими угнетателями. Практика насильственного обуздания классовых врагов, по мнению комиссаров, достигла такого совершенства, что может называться «новым правом» и реализовываться через Руководящие начала[36].

Однако из принятых начал узнаем, что они ничем от начал других уголовных уложений существенно не отличались. На самом деле и в большей части Руководящие начала основаны на тех достижениях уголовно-правовой мысли, которые были завоеваны в ходе ее продолжительной эволюции, т.е. на базе «всегда». Отличие одних начал от других состоит лишь в идеологической «приправке», которую политики привнесли для привязки нормативного акта к рукотворимой ими эпохе. В основной части Начала продолжили быть национальным ответом на те общие вопросы, которые стоят перед человечеством и составляют фундамент уголовного права. Несмотря на противостояние капитализму, советское законодательство не отказалось от охраны жизни и здоровья граждан, собственности и безопасности. Безусловно, оно обеспечивает их защиту своеобразным способом. Но идеологический акцент не привел к постановке уголовно-правовой охраны в зависимость от притяжения индивидов к той или иной социально-экономической или политической среде, в т.ч. капиталистической. Если же комплексно сравнить названные уложения и руководящие начала, то не останется сомнений в том, что с отторжением первых и обретением вторых общественное сознание многое утратило и существенно обеднело. Категорическое отрицание царского опыта довело уголовно-правовой нормативный массив до примитивного вида.

Революционная практика также продемонстрировала, что у человека как у основного действующего лица социальной реальности есть возможность отменить «всегда» и руководствоваться «теперь». В этом состоит его и свобода, и забота. Но, несмотря на свою мочь, он не в силах исключить себя из «всегда» и избавиться от него навсегда. Индивид может войти в противоречие с «всегда» и даже подчинить его «теперь». Однако это господство над «всегда» будет жить и иметь силу только «здесь и сейчас», без права на прошлое и на перспективу, поскольку и былое, и будущее относятся к «всегда».

Дело осталось за малым. Ответить на вопросы: Что такое «всегда»? И какое отношение к нему

[35] *Гессен В.М.* Указ. соч. С. 415.

[36] См.: постановление НКЮ от 12 декабря 1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» // Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937). М., 1940. С. 70–73.

имеет человек? В силах ли он познать «всегда»? После ответа на эти вопросы можно будет задаться вопросом о причастности права к «всегда». И о том, как и какую оно поддерживает с ним связь.

Если судить по вышеприведенным примерам о продолжительности «всегда» и сравнить ее с длительностью жизни человека, то становится очевидной принадлежность человека к «теперь». Несмотря на то что он живет во «всегда» и делает немалое для его поддержания, сам же человек из-за своей физиологической недолговечности образует собой «теперь». Если на человека посмотреть не как на индивидуальность, а как на биологический род, то обнаружится, что он есть одно из ярких и сильнейших проявлений «всегда». Однако, несмотря на свою биполярность и укорененность в Бытии, человек редко думает как род. Он чаще предается биологическому началу и преимущественно доверяет ритму своего пульса. Еще С.М. Соловьев заметил, что каждый член общественного организма «первоначально вращается в тесной сфере, где видит преимущественно только себя; что сфера эта расширяется чрезвычайно медленно; медленно члены общественного организма приходят к осознанию о необходимости тесной внутренней связи друг с другом для поддержания полной жизни каждого из них... Прежде чем достигли этого сознания, сколько раз человечество приходило в отчаяние...»[37].

Вероятно, именно обозначенная принадлежность человека к «теперь» в большинстве случаев обуславливает его выбор и подчиненность «сейчас». Под его влиянием он часто забывает о ритме дыхания тех эпох, в которых жили его предки, живет он и быть может будет жить его род. Этой забывчивости способствуют также физиологические пределы человека, на что обратил внимание еще Аврелий Августин. Их антропологическая ограниченность не позволяет ему удерживать в своем сознании столетие так же, как он удерживает в нем текущий день, являющийся для него в силу этого удержания настоящим. Как следствие, понимание «всегда» у человека, пребывающего в повседневной жизни в качестве скоротечного явления, вызывает проблемы.

Не случайно метафизические учения, призванные находить и исследовать в праве «всегда», в лучшем случае вызывают к себе подозрение. Как правило, они подвергаются грубой критике и не находят широкой поддержки. Метафизические подходы с большим трудом приживаются в правоведении и только среди тех его представителей, которые считают, что «не хлебом единым жив человек». Из-за дефицита в юридической науке метафизических средств познания ей сложно найти ответ на вопрос о том, к чему принадлежит право – к «теперь» или к «всегда»? Как оно поддерживает с ними связь, подчиняется им и влияет на них? Каким образом правосознание обеспечивает баланс присутствия в себе «теперь» и «всегда», их совмещение друг с другом и уравновешенность? Проблематичность этих вопросов также обусловлена плотной связью «всегда» с временем и множеством невидимых форм, в которых время проявляется как подлинный и сквозной феномен бытия.

Существенную помощь в обнаружении искомых форм способно оказать рассмотрение времени в качестве жизненного явления. Восприятие времени в жизненном контексте первым делом указывает на то, что время, как и жизнь, имеет не только механическое выражение. Оно также обладает физическим, геологическим, химическим, биологическим и психологическим измерениями, т.е. погружение времени в мир жизни избавляет исследователей от ряда стереотипов механистической картины мира, расширяет сферу его поиска и возможность формирования о нем полноценных представлений. У науки появляется ряд потенциалов. Во-первых, способность ассоциировать и визуализировать время через «сосуды», в которых оно накапливается, содержится и из которых затем истрачивается. Во-вторых, отыскать «сосуды времени» в реальном пространстве. При этом не только в физической или биологической сфере, но и в социально-культурных средах. Примеры из социальной области не так наглядны, как в механической картине, но они не менее очевидны для подготовленного взгляда.

«Всегда» как наиболее устойчивая форма выражения времени находит отражение в различных феноменах и связанных с ними категориях. В частности, «всегда» воплощается в понятии «цивилизация», которое означает результат продолжительного взаимодействия природы и человека, приспособление общественного организма к климатическим и географическим условиям, покорение их вызовов (А. Тойнби)[38]. Очередным проявлением «всегда» служит национальность, представляющая собой «вечную онтологическую основу и форму человеческого бытия» (Н. Бердяев)[39]. Она включает процесс самоидентификации граждан, их отождествление себя с конкретным этносом и формирование в определенную народность (общность людей), объединенную едиными традициями, языком, культурой и территорией

[37] *Соловьев С.М.* Избр. труды. М., 2010. С. 202.

[38] См.: *Тойнби А.Дж.* Указ. соч. С. 41–44.

[39] См.: *Бердяев Н.А.* Национальность и человечество // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922. М., 2007. С. 91.

для проживания (Н.Я. Данилевский)[40]. Еще одним выражением «всегда» является религия. Через культ она вовлекает человека в «вечный процесс, в ходе которого субъект полагает свое тождество со своей сущностью» (Г. Гегель)[41]. Через связь со святынями, остающимися таковыми несмотря на различные перемены и их масштабы, религия сквозь века обеспечивает крепость человеческого духа и долговечность его нравственного базиса (П.А. Флоренский)[42].

Названные феномены и раскрывающие их термины выступают искомыми сосудами. Речь идет именно о сосудах времени, поскольку каждое из упомянутых явлений не только плотно с ним связано, но и на определенном этапе трансформируется в его источник. К примеру, на формирование любой цивилизации или национальности уходят не только и не столько года и века, сколько поколения. Затем у этих сосудов появляется собственный жизненный цикл, перетекающий из одной его ячейки – будущего, в другую – прошлое. Длительность цикла, как отмечал Л. Гумилев, зависит от уровня пассионарности соответствующего этноса, т.е. способности народа к активному и творческому поведению. Время, таким образом, становится внутренним делом самой цивилизации, ее способности использовать свою пассионарность как своеобразную силу движения вперед, вызывая технологические, социальные и культурные прорывы[43]. Это время будет длиться и являться внутренним делом определенного культурно-исторического типа до тех пор, предупреждал Н.Я. Данилевский, пока он будет сохранять политический суверенитет. «Нет ни одной цивилизации, – писал историк, – которая бы зародилась и развивалась без политической самостоятельности...»[44]. При этом опыт Римской империи подтолкнул ученого к констатации того, что на успех обречена только та система права, которая верна «началам национального государственного строя»[45].

Наличие у «всегда» социально-биологической и природно-культурной составляющих не учли большевики, когда преимущественно механически попытались отменить царское право и тот длительный период времени, на протяжении которого оно формировалось и институализировалось в общественном сознании. Недооценили и то, что все это время правообразование осуществлялось на уровне менталитета народа, источником которого являются традиции культуры, о чем напоминает Л. Февр[46], а не сиюминутные повеления «временных правительств». Имея морально-психологическое измерение и нефизическое происхождение, менталитет слабо восприимчив к законам механики, которые для него второстепенны. Каждой из форм времени нужен свой интервал длительности для слома, поскольку содержащееся в сосудах время обеспечивает им не только высокую степень защищенности, но и дает силы сопротивления различным переменам. Не придали значение большевистские власти и тому, что право есть орудие не механическое, а духовное. Авторитет права и его высокий статус в качестве социальной скрепы основаны на «эволюции последовательного признания права», о чем писал С.И. Гессен[47]. Эта эволюция, дополнял И.А. Ильин, реализуется через долгую и постоянную дрессуру, идущую из поколения в поколение, по итогам которой душа приучается к сознательному соблюдению законной формы и законного предела в поступках[48]. Душевный порядок в одночасье не развернуть, не отменить и не заменить.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что онтологическое сопряжение истории и права входит в исключительную компетенцию историософского подхода, представляющего собой трансцендентное вопрошание. Это вопрошание образует смысловую цельность, в которой «всегда» как «внеисторическое присутствие» в истории сожительствует с «теперь» как с исторической скоротечностью во «внеисторическом измерении». Применительно к праву рассматриваемое вопрошание выясняет, что в нем движется, а что остается неизменным? Когда и ради чего праву надлежит трансформироваться, а когда оставаться неизменным?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арановский К.В., Князев С.Д.* Правление права и правовое государство в соотношении знаков и значений / под ред. Н.А. Сергеевой. М., 2016. С. 6.
2. *Аристотель.* Метафизика. СПб., Киев, 2002.
3. *Аристотель.* Соч.: в 4 т. М., 1981. Т. 3. С. 145, 146.

[40] См.: *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к германо-романскому. М., 2010.

[41] См.: *Гегель Г.* Философия религии: в 2 т. М., 1975. Т. 1. С. 260.

[42] См.: *Флоренский П.А.* Философия культа (Опыт православной антроподицеи). М., 2010.

[43] См.: *Гумилев Л.Н.* Струна истории. Лекции по этнологии. М., 2008.

[44] *Данилевский Н.Я.* Указ. соч. С. 116.

[45] Там же. С. 120.

[46] См.: *Febvre L.* A new kind of history: from the writings of Febvre. London, 1973.

[47] См.: *Гессен С.И.* Избранное. М., 2010. С. 305.

[48] См.: *Ильин И.А.* Общее учение о праве и государстве. М., 2006. С. 218.

4. *Бердяев Н.А.* Национальность и человечество // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922. М., 2007. С. 91.
5. *Бердяев Н.А.* О частном и историческом взгляде на жизнь // Бердяев Н.А. Философия свободы. М., 2004. С. 444–446.
6. *Бунин И.* Окаянные дни. М., 1925.
7. *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 299.
8. *Гегель Г.* Феноменология духа. Философия истории. М., 2007. С. 495.
9. *Гегель Г.* Философия религии: в 2 т. М., 1975. Т. 1. С. 260.
10. *Гессен С.И.* Избранное. М., 2010. С. 305.
11. *Гессен В.М.* Основы конституционного права. М., 2010. С. 414, 415.
12. *Гумилев Л.Н.* Струна истории. Лекции по этнологии. М., 2008.
13. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к германо-романскому. М., 2010. С. 116, 120.
14. *Ильин И.А.* Общее учение о праве и государстве. М., 2006. С. 218.
15. *Котляревский С.А.* Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915. С. 392, 396.
16. *Лейкснер Отто фон.* Наш век. Общий обзор важнейших явлений в области истории, искусства, науки и промышленности последнего столетия: в 2 т. СПб., 1884. Т. 2. С. 107.
17. *Ленин В.И.* Главная задача наших дней // Ленин В.И. Избранное. М., 2010. С. 491, 494.
18. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 28. С. 493.
19. *Ленин В.И.* Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 270.
20. *Сорокин П.А.* Социология революции. М., 2008. С. 26.
21. *Наумов А.В., Флетчер Д.* Основные концепции современного уголовного права. М., 1998. С. 12.
22. *Розанов В.В.* Собр. соч.: в 8 т. / сост. П.П. Апрышко. Т. 7. Последние листья. 1917 г.; Апокалипсис нашего времени: вып. № 1–10. М., 2012.
23. *Солженицын А.И.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 11. Красное колесо. Повествованье в отмеренных сроках в четырех Узлах. Узел III: Март Семнадцатого. Кн. 1. М., 2010. С. 25, 35. 43.
24. *Соловьев С.М.* Избр. труды. М., 2010. С. 202.
25. *Сорокин П.А.* Социология революции. М., 2008. С. 472, 473, 476.
26. *Тацит Корнелий.* Соч.: в 2 т. Т. 1. Анналы. Малые произведения. М., 1993.
27. *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. М., 1991. С. 14, 41–44.
28. *Уэллс Г.* Очерки истории цивилизации. М., 2004. С. 9.
29. *Флоренский П.А.* Философия культа (Опыт православной антроподицеи). М., 2010.
30. *Щербатов М.М.* Избр. труды. М., 2010. С. 133, 415, 416.
31. *Ясперс К.* Истоки и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории: сб. / пер. с нем.; вступ. ст. П.П. Гайденко, с. 5–26; коммент. В.Н. Катасонова. 2-е изд. М., 1994. С. 31.
32. *Febvre L.* A new kind of history: from the writings of Febvre. London, 1973.
33. *Jaspers K.* Vemunft und Existenz. Bremen, 1965. S. 48.

REFERENCES

1. *Aranovsky K.V., Knyazev S.D.* The rule of law and the Rule of Law in the ratio of signs and meanings / ed. by N.A. Sergeeva. M., 2016. P. 6 (in Russ.).
2. *Aristotle.* Metaphysics. SPb., Kiev, 2002 (in Russ.).
3. *Aristotle.* Essays: in 4 vols. M., 1981. Vol. 3. Pp. 145, 146 (in Russ.).
4. *Berdyaev N.A.* Nationality and humanity // Berdyaev N.A. The Fall of the Holy Russian Kingdom: journalism, 1914–1922. M., 2007. P. 91 (in Russ.).
5. *Berdyaev N.A.* On a private and historical view of life // Berdyaev N.A. Philosophy of freedom. M., 2004. Pp. 444–446 (in Russ.).
6. *Bunin I.* Cursed days. M., 1925 (in Russ.).
7. *Vernadsky V.I.* Philosophical thoughts of a naturalist. M., 1988. P. 299 (in Russ.).
8. *Hegel G.* Phenomenology of the spirit. Philosophy of History. M., 2007. P. 495 (in Russ.).
9. *Hegel G.* Philosophy of religion: in 2 vols. M., 1975. Vol. 1. P. 260 (in Russ.).
10. *Hessen S.I.* Favorites. M., 2010. P. 305 (in Russ.).
11. *Hessen V.M.* Fundamentals of constitutional law. M., 2010. Pp. 414, 415 (in Russ.).
12. *Gumilev L.N.* String of history. Lectures on ethnology. M., 2008 (in Russ.).
13. *Danilevsky N. Ya.* Russia and Europe: a look at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Roman world. M., 2010. Pp. 116, 120 (in Russ.).
14. *Ilyin I.A.* The general doctrine of law and the state. M., 2006. P. 218 (in Russ.).
15. *Kotlyarevsky S.A.* Power and law. The problem of the rule of law. M., 1915. Pp. 392, 396 (in Russ.).
16. *Leixner Otto von.* Our century. A general overview of the most important phenomena in the field of history, art, science and industry of the last century: in 2 vols. St. Petersburg, 1884. Vol. 2. P. 107 (in Russ.).
17. *Lenin V.I.* The main tasks of our days // Lenin V.I. Favorites. M., 2010. Pp. 491, 494 (in Russ.).
18. *Lenin V.I.* Complete collection of works. Vol. 28. P. 493 (in Russ.).
19. *Lenin V.I.* The third All-Russian Congress of Soviets of workers, soldiers and peasants' deputies // Lenin V.I. Complete collection of works. Vol. 35. P. 270 (in Russ.).
20. *Sorokin P.A.* Sociology of revolution. M., 2008. P. 26 (in Russ.).

21. *Naumov A.V., Fletcher D.* Basic concepts of modern Criminal Law. M., 1998. P. 12 (in Russ.).

22. *Rozanov V.V.* Collected works: in 8 vols. / comp. P.P. Apryshko. Vol. 7. The last leaves. 1917; The Apocalypse of our Time: vol. No. 1–10. M., 2012 (in Russ.).

23. *Solzhenitsyn A.I.* Collected works: in 30 vols. Vol. 11. The Red wheel. Narration in measured terms in four Nodes. Node III: March 1917. Book 1. M., 2010. Pp. 25, 35. 43 (in Russ.).

24. *Solovyov S.M.* Selected works. M., 2010. P. 202 (in Russ.).

25. *Sorokin P.A.* Sociology of revolution. M., 2008. Pp. 472, 473, 476 (in Russ.).

26. *Tacitus Cornelius.* Essays: in 2 vols. Vol. 1. Annals. Small works. M., 1993 (in Russ.).

27. *Toynbee A.J.* Comprehension of history. M., 1991. Pp. 14, 41–44 (in Russ.).

28. *Wells G.* Essays on the history of civilization. M., 2004. P. 9 (in Russ.).

29. *Florensky P.A.* Philosophy of cult (Experience of Orthodox anthropodicy). M., 2010 (in Russ.).

30. *Shcherbatov M.M.* Selected works. M., 2010. Pp. 133, 415, 416 (in Russ.).

31. *Jaspers K.* The origins and its purpose // Jaspers K. The meaning and purpose of history: collection / transl. from German; intro. by P.P. Gaidenko, pp. 5–26; comment by V.N. Katasonov. 2nd ed. M., 1994. P. 31 (in Russ.).

32. *Febvre L.* A new kind of history: from the writings of Febvre. London, 1973.

33. *Jaspers K.* Vemunft und Existenz. Bremen, 1965. S. 48.

Сведения об авторе

БОЧКАРЁВ Сергей Александрович –
доктор юридических наук,
главный научный сотрудник
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

BOCHKAREV Sergey A. –
Doctor of Law,
Chief Researcher, Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia